

РОЖДЕНИЕ СПЕКТАКЛЯ

СЕГОДНЯ — премьера, открытие нового сезона, праздник зрителей и праздник театра. Сегодня — «Любовь Яровая».

А неделю назад в театре было буднично и тихо, пахло олифой, краской, шарпалы кисти, где-то изредка стучал молоток — кончался ремонт.

Но театр уже всюю работал. На сцене был уже станок — плоская, чуть наклонная площадка — основа будущей декорации. И артист Борис Медведев вслух мечтал о «бескровной революции», Иван Смагин убеждал его, что «гнилую кровь для здоровья революции надо выпустить!»

А в зрительном зале у самой оркестровой ямы сидел режиссер и хлопал в ладоши. Но это обозначало отнюдь не аплодисменты. Совсем наоборот: режиссер не устраивало происходящее, он останавливал действие и просил «пройти сцену сначала».

Иногда актеры сами останавливались и спрашивали:

— Евгений Анатольевич, а что если вот так?

— Покажите! Попробуем... Ага!.. Так? Хорошо, только вот что...

В двенадцать часов — первый перерыв (репетиция началась в десять утра). Я подхожу к режиссеру и объясняю: газета хочет рассказать зрителям о «технологии» создания нового спектакля. С самого начала, с выбора пьесы...

ПОЧЕМУ именно «Любовь Яровая»? — спрашивает сам себя Е. А. Плавинский. — Сезон открываем знаменательный — ведь скоро начнется юбилейный год, спектакль этот

мы посвящаем 50-летию Октября. Пьеса Тренева — это советская классика. Сорок лет она не сходит со сцены! Значит, это добротный материал, встреча с которым ответственна и приятна коллективу и режиссеру. Кроме того, в Тюмени «Любовь Яровая» не шла десять лет, значит, целое поколение зрителей ее не видело.

— С него началась ваша, режиссерская, работа над спектаклем?

— С чтения, конечно. С изучения материалов о пьесе, о ее постановках, о творчестве Тренева, о драматургии того времени. Бывает трудно, когда материалов мало. Здесь была другая трудность — за сорок лет сценической жизни пьесы материалов накопились горы... Ну, и тут же, среди этих гор, когда пьеса все время под рукой, вынашивался общий замысел, созревали какие-то отдельные решения, уяснялись возможности театра: и исполнительские, и — куда денешься? — финансовые. Потом мы встретились с художником. Очень важная встреча — ведь он создает «место действия», он и музыканты «делают атмосферу» — ту, в которой будет жить герой спектакля...

ПЕРВЕМ монологе режиссера, поднимемся на второй этаж, к главному художнику театра П. И. Малюгину.

Комната. Два стола. В углу «подмакетник» — точная копия сцены: вращается круг, висят кулисы, есть колосники, софиты с разноцветными лампочками. Эта сцена по сравнению с настоящей — как карандаш рядом с фонарным столбом — игрушечная.

Летом, когда группа гастролировала, Петр Иванович приходил сюда «играть»: клеил из картона стены, выстругивал колон-

ны фасада, расставлял по сцене фонарные столбы и скамейки (высотой с ноги). Шли поиски оформления, созвучного замыслу спектакля. Ведь суть пьесы Тренева гораздо шире личной истории учительницы Яровой. И обычный бытовой «подробный» интерьер не годился — он сужал масштабы происходящего. Поэтому художник решил обозначать место действия в разных сценах лишь скудными деталями, условно. Условное — обобщает.

— Надеемся, что сыграет на масштабность и «Карта Российской империи», — говорит П. И. Малюгин.

— Карта, по моему — находка, — добавляет Е. А. Плавинский. — Мы как бы проецируем на нее все сценические события. Ведь то, что происходило в этом городке, так или иначе происходило во всей России.

РЕЖИССЕР продолжает: — Все важно в театре. Но самое главное — актер. Поэтому решающая встреча — это встреча актеров с пьесой, встреча их с режиссером, когда и начинается наиболее трудоемкая, сложная, но и самая радостная часть работы — совместное творчество актера и постановщика, когда

идут «раскопки» текста — вглубь, вглубь: что за слово? какая мысль? какое движение? почему? То есть начинается труд актера — часно и до пота! — труд, которого зритель не видит и не должен видеть.

Как же идет эта работа? Марина Тимофеевна Ярцева встревоженно — радостна. Об этой роли давно мечтала, давно и хорошо знает пьесу.

— Знаете, — говорит она, — и радостно, и страшно. Такая роль! Сумею ли? Ведь ее играли Пашенная, Еланская, Марещкая... И «срываюсь» на этой роли многие. Как сделать что-то свое? Как сыграть единство двух линий? Ведь в ней, в Яровой, пересеклась любовь к Михаилу с ненавистью к старому миру. А Михаил — враг, он воюет за этот старый мир. Тут столько опасностей! Можно сыграть «комиссаршу» — пострадает лирическая тема, можно так выплянуть любовь, что пропадет гражданская идея образа...

Борис Иванович Мостовой. — Михаил Яровой — был краток:

— Ролью доволен. Есть что играть, есть о чем по-

образов пьесы — революционный матрос Швандя. С этой ролью заслуженный артист РСФСР Георгий Иванович Дьяконов встречается второй раз.

— Повторять нельзя, — говорит он, — да и невозможно. Делается совсем другой спектакль. Другие партнеры, другой режиссер. Да и сам я — другой, десять лет — штука не простая. Словом, герой мой повзрослел, стал глубже, вырос из «братишек», он делает историю. Но, конечно, Швандя должен остаться Швандей — веселым, бесстрашным, с юмором. Роль отличная!

ЗАДАЮ Евгению Анагтольевичу последний вопрос:

— Что самое сложное в работе над этим спектаклем? Что труднее всего?

— Гм... А ведь все не просто. Но вопрос все-таки законный. Самое сложное — добиться аромата эпохи. Чтобы саму атмосферу тех лет почувствовали, сохранили и сумели передать все участники спектакля. Это во многом зависит и от массовых сцен, они должны показать масштабность революции. Коротче говоря это зависит

думать... Мы с Любой — на разных политических берегах. И самое трудное в моей роли — не обеднить Ярового духовно, не сыграть только врага, то есть показать, что Михаил субъективно не враг своей жеде...

Роль комиссара Кошкина исполняет Иван Степанович Смагин. У него и заботе о том, чтоб Роман Кошкин не стал «схемой большевика», добавляется и еще одна: дебют перед тюменским зрителем.

Один из самых ярких

от каждого исполнителя. А от «аромата эпохи» будет зависеть реакция зрителя...

Сегодня мы, зрители, будем смотреть «Любовь Яровую», будем судить о результатах работы, не видящих нам. Успеха тебе, Театр.

В. КЛЕПИКОВ.

На снимках: 1. Е. Плавинский и П. Малюгин у макета декорации. 2. Г. Дьяконов и И. Смагин на репетиции. 3. «Карта Российской империи» в работе.

Фото Ю. Чернышева.